

стал участником петровских реформ.¹⁸ В киевский же период Феофан как проповедник придерживался еще, в основном, правил, предписывавшихся схоластической наукой.

Правила предопределяли и тематику, и композицию, и стиль проповеди. Поэтому оратор мог заранее готовить «проповеднический запас», как это и делал один из образованнейших людей своего времени Стефан Яворский.¹⁹ Широкая начитанность и своеобразный литературный дар позволяли Стефану легко оперировать цитатами, именами библейских и античных героев, символами, искусственными образами и аллегориями. Однако даже И. Чистович, высоко ценивший Яворского, признавал, что в его проповедях есть «остроумие и находчивость, но нет естественности и простоты».

Реальное событие, служившее поводом для произнесения проповеди, имело для Яворского второстепенное или даже третьестепенное значение. На первый же план выдвигалась характерная для литературы барокко хитроумная игра понятиями и образами из Священного писания. Самое событие, о котором идет речь, становится у него лишь одной из иллюстраций вечных божественных истин, изложенных в Ветхом и Новом завете. Так, например, перед отправлением Петра в Прутский поход Стефан произносит проповедь «Моисей российский ко освобождению людей христианских из работы египетския турецкия богом избранный». Петр («Моисей российский») представляется воителем, избавляющим «верных» (христиан) от ига «неверных» (турок). Самая победа Петра рисуется как результат проведенного незадолго до решающей битвы богослужения.

Подобный подход к повествованию о событиях современности можно заметить отчасти и у Гавриила Бужинского. В этом отношении характерно его «Слово благодарственное богу триипостасному о полученной победе над Карлом королем шведским и войски его под Полтавою» (1719). Две трети всего текста посвящено рассуждению о том, что такое благодарность богу, и многочисленным примерам проявления этой благодарности, известным из Священного писания. Когда же автор снова переходит наконец к самой Полтавской победе, он опять-таки сравнивает Петра с Моисеем и подчеркивает, что «брань» возникла «за храми святые и обители разграбленные и что паче за повреждение чести леподостойныя самага Христа господня».²⁰

¹⁸ См.: J. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung, S. 354.

¹⁹ См.: И. Чистович. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867, стр. 4—16. О проповедническом искусстве Яворского см. также: А. А. Морозов. Метафора и аллегория у Стефана Яворского. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971, стр. 35—44.

²⁰ Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727). Юрьев, 1901, стр. 333.